

УДК 811.11'25

ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПОТЕНЦИАЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В ПОЗИЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО

Наталья Билан
(Днепропетровск, Украина)

Здійснено семантико-синтаксичний аналіз варіантів перекладу англійською мовою простих російських та українських висловлювань з неозживленими партиципантами, що займають позицію підмета активних синтаксичних конструкцій.

Ключові слова: переклад, семантико-синтаксична структура, агент, потенціальність, каузальність, стан.

Предлагается семантико-синтаксический анализ вариантов перевода на английский язык элементарных русских и украинских высказываний с неодушевленными партиципантами, занимающими позицию подлежащего активных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: перевод, семантико-синтаксическая структура, агент, потенциальность, каузальность, залог.

The semantic syntactic analysis of the ways of translating into English simple Russian and Ukrainian syntactic structures with inanimate participants in the position of the subject of the active voice syntactic structures has been carried out.

Key words: translation, semantic syntactic structure, agent, potentiality, causality, voice.

Постановка проблемы. Исходным этапом перевода на английский язык русских и украинских высказываний является определение характера взаимосвязи всех семантико-синтаксических отношений переводимой конструкции с установлением основного семантико-синтаксического отношения – субъектно-объектного отношения каузации.

Актуальность данного исследования заключается в том, что даже в элементарных высказываниях русского и украинского языков выявление актантов их семантико-синтаксических структур является далеко не всегда простой задачей, при этом на следующем этапе переводчик должен решить можно ли в языке перевода поместить выявленные актанты в ту же поверхностно-синтаксическую позицию, в которую эти актанты продвинуты в языке оригинала.

Целью данной статьи является изучение вариантов перевода элементарных русских и украинских высказываний, в которых доминантный актант их семантико-синтаксических структур – агент занимает позицию подлежащего их поверхностно-синтаксических структур. Достижение поставленной цели осуществляется посредством выявления семантико-синтаксических механизмов выражения категории активности / пассивности в анализируемых высказываниях украинского, русского и английского языков, что является задачей данного исследования.

Анализ последних исследований и публикаций. Отношения каузации как причинения через обусловленность лежат в основе такого лингвистического явления, которое В.Г.Гак называет синтаксическим анимизмом [6, с. 266]. Явление

синтаксического анимизма можно продемонстрировать примерами Дж. Лакоффа и У.Л.Чейфа:

1. *This car drives easily* – англ. *Эта машина управляется легко* [7, с. 361].
2. *The heat melted the butter* – англ. *Тепло растопило масло*;
3. *The wind opened the door* – англ. *Ветер открыл дверь*;
4. *The ship destroyed the pier* – англ. *Корабль разрушил пирс* [11, с.128].

Примеры синтаксического анимизма, по мнению У. Л. Чейфа, не могут быть подвергнуты перефразированию – нельзя сказать 5. *Michael opened the door with the wind* англ. *Майкл открыл дверь ветром*, и, хотя можно сказать 6. *The captain destroyed the pier with the ship* англ. *Капитан разрушил пирс кораблем*, значение здесь будет иное, чем в 4. *The ship destroyed the pier* англ. *Корабль разрушил пирс* [11, с. 128–129].

Широко распространенное во французском языке явление синтаксического анимизма, когда в позиции подлежащего находятся слова, обозначающие причину, обстоятельства места и времени, В.Г.Гак объясняет метафоричностью, переносным использованием каузативных конструкций, несоответствием между синтаксической и семантической структурой высказывания:

7. *La surprise le fit sursater* – фр. *От неожиданности он вздрогнул* [6, с.164].

В.Г.Гак допускает возможность перефразирования этих частотных высказываний с целью доказательства безличности таких, по мнению лингвиста, «формально» личных конструкций: «Субъектная аналитическая структура используется для описания действия при отсутствующем субъекте; она равнозначна безличному или неопределенно-личному предложению: ... *Идет дождь* (= *дождит*)...» [6, с. 187].

Такие примеры У.Л.Чейф объясняет потенционностью существительного, являющегося причиной каузации, подразумевая зависимость способности существительного быть агенсом от его семантической характеристики как предмета, у которого есть потенция, сила сделать что-либо, предмета, который имеет свою собственную силу, который обуславливает себя сам. Такие существительные обладают или считаются обладающими своей собственной энергией. Отмечая, что понятие самообусловленности в значительной степени совпадает с понятием одушевленности, так как собственной внутренней силой люди наделяют главным образом одушевленные существа, У.Л.Чейф утверждает, что понятие одушевленности – недостаточно широкий термин для того, чтобы его можно было применять ко всем существительным, которые выступают как агенсы, поэтому необходимо ввести термин потенционность [11, с.128-129].

Изложение основного материала. Связь агентивности и потенциальности была установлена еще в философии Аристотеля. Категория «акт» определялась как деятельностное осуществление чего-либо, категория «потенция» – как сила, способность к такому осуществлению [8].

Следует указать на то, что понятия акт и потенция (в переводе с греческого означающие *действительность* и *возможность*) являются субстанциональными понятиями. Согласно Аристотелю, материя есть чистая возможность или потенция, в то время как вещи и форма – это осуществление (энергия, энтелехия) этой потенции. Таким образом, становление (генесис) есть переход от сущего потенциально (возможности) в актуально сущее (действительность). Движение или процесс (кинесис) понимаются Аристотелем как переход от возможности к действительности [2].

Тем не менее понятие потенциальности в современной лингвистике достаточно редко используется в отношении существительных. А.В.Бондарко считает целесообразным использовать понятие потенциальности для анализа не только «вещи» (предмета в самом широком смысле), но и ситуации в целом. Таким образом, потенциальность трактуется этим лингвистом как способность ситуации в целом «быть не тем, что она есть», то есть способность к изменению с точки зрения субстанции, качества, количества и места. Стремясь выйти за пределы имен существительных в анализе

ирреальных и реальных ситуаций, А. В. Бондарко делает предположение, что понятие потенциальности охватывает некоторое множество возможных миров, соответствующих модальным значениям возможности, необходимости, оптативности, повелительности (императивности), гипотетичности, и сосредотачивает внимание на изучении этих модальных значений, имеющих значение реальности / ирреальности [5, с. 77].

В области модальных полей возможности и необходимости рассматривают понятие потенциальности и Е. И. Беляева с С.Н.Цейтлин, что приводит к выявлению языковых средств выражения потенциальности – лексико-грамматических (модальные глаголы и их эквиваленты), морфологических (видо-временные формы глагола) и синтаксических (инфинитивные конструкции, конструкции повелительного наклонения и др.) [3, с. 126]. Таким образом, значение потенциальности переводится в область значений предикатных форм.

К понятию потенциальности обращался Ч. Стивенсон. Ссылаясь на известный по произведению Локка термин «способность», восходящий к аристотелевской потенциальности, Ч. Стивенсон указывает на то, что термин «способность», в силу его антропоморфных ассоциаций, может ввести в заблуждение, поэтому этот лингвист пользуется термином «диспозициональные свойства» или «предрасположение» («диспозиция»). Ч.Стивенсон утверждает, что термин «предрасположение» (или «потенция», «скрытая возможность», «каузальная характеристика», «тенденция») позволяет описать сложные каузальные ситуации. Примером слова, обозначающего потенциальный объект, является существительное *кофе*, так как *кофе* обладает диспозицией создавать стимуляцию активности человека [9, с. 133-134].

О диспозициональных свойствах объекта, его предрасположенности к действию, акцентируемых оценочными предикатами, пишет Н.Д.Арутюнова. Примеры таких предрасположенных к действию объектов: 8. *белье хорошо стирается (сохнет, крахмалится)*; 9. *этот металл хорошо (плохо) поддается обработке*; 10. *книга хорошо читается*; 11. *фильм плохо смотрится*; 12. *пальто хорошо носится* [1, с.206].

По признанию А.В.Бондарко, В.С.Храковского и ряда других лингвистов, постфикс *-ся* возвратных глаголов может использоваться как в активных, так и в пассивных конструкциях [4, с. 137; 10, с. 149], и поэтому нам не представляется возможным согласиться с отнесением В.С.Храковским к пассивным конструкциям предложений типа 13. *Книга хорошо / легко читается* наряду с явно неактивными предложениями типа 14. *Солнце дорого ленинградскому люду. Всем хочется загореть* (Г.Горышин) [10, с.177] и предложениями, в которых, по определению В.С.Храковского, ссылающегося на наблюдения Ю.П.Князева и В.П.Недялкова, действие характеризуется как происходящее помимо воли субъекта: 15. – *Ах, Михаил, Михаил – сжала ладонями виски Лидина мать, – не так бы надо сказать. Но раз уж сказалось, так слушайте дальше* (В. Астафьев) [10, с.176].

Распространенность конструкций типа 16. *Работа сама собой делается / спорится; Работа сама по собі робиться – The work is ongoing*; 17. *Проблемы сами (собой) улаживаются / разрешаются; Проблеми самі по собі роз'язуються / вирішуються – The problems tend to get solved of their own accord*; 18. *Удача сама находит его; Удача сама знаходить його – Luck comes to him*; 19. *Деньги сами идут к нему в руки; Гроші самі плывуть до нього в руки – Money comes to him with no effort on his part*; 20. *Выводы сами (собой) напрашиваются; Висновки самі по собі напрашуються – The conclusion is obvious*; 21. *Это само собой разумеется; Це само по собі зрозуміло – It goes without saying*; 22. *Это получается само собой; Це виходить само по собі – It comes about of its own accord*; 23. *Решения возникают / приходят сами (собой); Рішення виникають самі по собі – Solutions appear to spring up of their own accord* указывает на системную значимость такого семантико-синтаксического представления языком неодушевленных элементов ситуаций в качестве актантов, которые осуществляют действия самостоятельно. По

мнению В.Н.Ярцевой, «постоянство синтаксической модели может быть достаточным показателем устойчивости того или другого грамматического значения» [12, с. 298].

Выводы. Таким образом, частотность таких конструкций, в которых подчеркивается независимость событий от часто невербализованных одушевленных исполнителей, свидетельствует об устойчивости семантико-синтаксического значения активности (потенциальности) данных существительных и об активности (потенциальности) обозначаемых ими объектов концептосфер русского, украинского и английского языков, что должно учитываться и выражаться в практике перевода.

Перспективы дальнейших исследований. Семантико-синтаксические соответствия, особенности и различия средств перевода типологически значимых простых синтаксических структур русского, украинского и английского языков требуют внимательного изучения в свете современных семантико-синтаксических теорий и представляют собой важную и перспективную область развития теории перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338с. – Библиогр.: с. 316 – 322.
2. Бандуровский К.В. Акт и потенция // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т.1: А – Д. – С. 69 – 70.
3. Беляева Е.И., Цейтлин С.Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 123 –126.
4. Бондарко А.В. К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – С. 125 – 141.
5. Бондарко А.В. Реальность / ирреальность и потенциальность // Теория Функциональной Грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 72 – 80.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. Для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» – 3-е изд., – М.: Просвещение, 1989. – 288с. – Библиогр.: с. 278 – 280.
7. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X: Лингвистическая семантика. – С. 350 – 369.
8. Лебедев А.В. Акт и потенция // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 19.
9. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика – С. 129 – 155.
10. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – С. 141 – 181.
11. Чейф У.Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. Г. С. Щура. – М.: Прогресс, 1975. – 432с.
12. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. Отд-ние, 1961. – 308с. – Библиогр.: с. 289 – 302.